

**ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПРИСОЕДИНЕНИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА К РОССИИ**

В.П. Янишин

Раскрываются характерные черты советской и современной центральноазиатской историографии при рассмотрении различных аспектов процесса присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

Ключевые слова: завоевание; добровольное вхождение; политическая абсорбция; подданство; историография.

За более чем 100 лет историография присоединения Средней Азии и Казахстана накопила огромный опыт в трактовке этого процесса. В

научный оборот были введены различные термины, имеющие оценочную характеристику, – завоевание, покорение, подчинение, принятие

русского подданства, присоединение, вхождение, добровольное присоединение или вхождение. При этом четко надо разделять взгляды ученых досоветского, советского и постсоветского периодов, так как до 1917 г. потребности в идеологическом “жонглировании” при изучении данного вопроса не существовало. Дореволюционные историки просто констатировали факт присоединения территорий Казахстана и Средней Азии к России, при этом нисколько не стеснялись термина “завоевание”, подразумеваемая под этим не методы, которые применялись в конкретной исторической обстановке, а решение внешнеполитической задачи исходя из приоритета государственных интересов России, заключающиеся в стабилизации и безопасности юго-восточных границ, что привело к необходимости включения в состав империи казахских земель, а затем и ряда среднеазиатских территорий. Следует отметить, что российские торговые интересы в данном регионе в значительной мере также были поставлены на службу этой геополитической цели. В целом, основным отличием дореволюционной историографии от советской был определенный патриотизм, заключавшийся в том, что главным являлись интересы России, а не то, как кто-нибудь воспринимает или будет воспринимать ее действия. При этом историки того времени отлично понимали, что никто в Центральной Азии не желал прихода русских войск и включения местных народов в состав России, а к довольно многочисленным просьбам в XVIII–XIX вв. о подданстве подходили с вполне обоснованным скептицизмом.

Ситуация кардинально изменилась после 1917 г., когда перед историками была поставлена конкретная задача очернить всю национальную политику Российской империи. Поэтому, оставив очень удобный в плане семантики термин “завоевание”, стали давать ему уже совершенно другое толкование, разработав концепцию “абсолютного зла” при трактовании процессов вхождения нерусских народов в состав России. Такой идеолого-догматический подход диктовался в первую очередь тем соображением, что интересы русского народа и Российской империи были диаметрально противоположны, отсюда вытекал вывод, что присоединение нерусских народов к России могло иметь только негативный, “завоевательный” характер и происходило исключительно из интересов господствующих эксплуататорских классов. Так, не жалели черных красок, говоря о завоевании Средней Азии и Казахстана, П.Г. Галузо [1, с. 14], Е.Н. Куцева

[2, с. 133], Т.Р. Рыскулов [3, с. 295], А.Х. Хасанов [4; с. 89], Б.Д. Джамгерчинов [5, с. 61]. Однако по мере становления советской исторической науки и определенного успокоения умов, стало более ясным, что стремление видеть только негативное во внешнеполитических шагах Российской империи приводит к некоторой дискриминации русского народа и армии, к тому же к этому времени (конец 30-х гг.) был “низложен” М.Н. Покровский за свои чрезмерно ортодоксальные взгляды, что по тем меркам означало приказ пересмотреть его основополагающие концепции. Большую роль в “испрямлении” такого зигзага истории сыграла Великая Отечественная война, в которой представители десятков народов совместно сражались на фронте; кроме того немцы довольно активно пытались использовать межнациональные противоречия, создавая национальные “легионы”. В такой обстановке ученые волей-неволей должны были “перестраиваться” и уже в 1941 г. М.П. Вяткин впервые вводит термин “наименьшее зло” на примере Казахстана, считая, что вхождение казахов в состав России носило в основном насильственный характер, однако было довольно много случаев более-менее добровольного принятия российского подданства [4, с. 89].

Для отображения новой конъюнктуры был введен во второй половине 40-х гг. новый термин “присоединение”, под которым подразумевался более мирный и добровольный характер вхождения нерусских народов в состав России. Своеобразный процесс постепенного увеличения процентного соотношения в термине “присоединение” в пользу мирного и добровольного “наполнения” проходил в 50-х гг. XX в. Так, А. Якунин считал, что Казахстан присоединен, а народы Средней Азии – завоеваны [6, с. 86], из такого противопоставления видно, что под присоединением понимался в целом мирный характер политического поглощения, в отличие от “завоевания”. Процесс нарастал, и в конце 50-х – начале 60-х гг. в целом он завершился в концепции “добровольное вхождение народов Казахстана и Средней Азии в состав России”. Претерпел изменение и многострадальный термин “завоевание”, точнее, произошел возврат к дореволюционному определению, т.е. констатации факта политического присоединения к России [7, с. 133; 8, с. 90], конечно, с более отрицательным оттенком, чем до 1917 г.

Если же обратиться к историографии Кыргызстана в 60–80-х гг. XX в., то указанная выше трансформация происходила и здесь, от работ

Б.Д. Джамгерчинова, А.Х. Хасанова, К. Усенбаева, в которых утверждалось, что северные кыргызы добровольно приняли российское подданство, а южные – были завоеваны, к монографии В.М. Плоских, в которой отмечалось, что действия повстанцев в 1875–1876 гг. по отношению к русским войскам проявлялись как “неосознанное сопротивление” и повстанцы “сдержанно смотрели на их (русских войск. – В.Я.) продвижение” [8, с. 315–316]. Итогом же стал коллективный труд “История Киргизской ССР”, в котором обосновывалось, что юг Кыргызстана также вошел в состав России добровольно [9, с. 85].

Таким образом, одним из главных аспектов рассмотрения проблемы присоединения Средней Азии и Казахстана к России в советский период стал терминологический вопрос. Следовательно, представляется важным внести определенный порядок в этом отношении. На наш взгляд, основополагающим моментом при использовании подобных терминов должен являться факт включения того или иного географического объекта в политические границы того или иного государства. При этом необходимо четко разделять политическую и этническую сторону данного процесса, так как далеко не всегда историко-географическая область или же государственное объединение являются моноэтническими образованиями. Единственным адекватным отражением процесса включения является термин “присоединения” или его синоним – “вхождение”, т.е. подчеркивается только факт политической абсорбции. Методами же будут являться термины “завоевание”, “покорение”, “подчинение”, “принятие подданства”. При этом в двух первых будет превалировать силовой аспект, а в двух последних в основном мирный. Подавляющее же большинство современных авторов в республиках Центральной Азии не различают данные нюансы, путая факт присоединения с применявшимися методами, к тому же, в зависимости от субъективных пристрастий берется за оценочную основу какой-либо термин, относящийся к методам, например, под “завоеванием” Россией Средней Азии и Казахстана понимается как бы самоцель, а не средство.

С конца 80-х гг., по мере нарастания кризисных явлений в СССР и обретения гласности, происходит, в определенном смысле, возврат к концепциям 20–30-х гг. XX в., однако теперь фундаментом является не социально-экономическая и национальная политика “эксплуататоров”, а негативное восприятие самого факта присоединения Средней Азии и Казахстана к России.

После обретения независимости центральноазиатскими республиками данный процесс заметно ускорился и усилился. Термин “завоевание” стал применяться все более часто не в качестве метода, а стал рассматриваться как самоцель российской внешней политики в тот период. Такого подхода придерживаются в Казахстане – С. Мадуанов [10, с. 255–257], А.Ш. Махаева [11, с. 135], З.Т. Садвокасова [12, с. 169]; в Узбекистане – Д.А. Алимова и Б.В. Лунин [13, с. 136]; в Таджикистане – М.К. Джамалова [14, с. 12]; в Туркмении – М.А. Аннанепесов [15, с. 71–73]; в Кыргызстане – Т.Н. Омурбеков, Т.К. Чоротегин, А.С. Мырзакматова, О.Дж. Осмонов, Д.С. Бактыгулов, Дж. Токтаналиев, Д.Б. Сапаралиев, Ж. Жакыпбеков, Ж. Алымбаев и др.

Довольно широко стали применяться термины “подчинение” и “покорение”: Б.Л. Боотаева – “кыргызы были вынуждены выбрать, под чью власть пойти” [16, с. 127]; К.М. Алдабергенов – подчинение казахов Россией [17, с. 9]; Ж.К. Касымбаев – покорение Северного Кыргызстана [18, с. 150]; Ч.Д. Турдалиева – заставили кыргызов принять российское подданство [19, с. 53]; Т. Кененсариев – покорение северных кыргызов завершилось в 1868 г., при этом применяли два метода: пассивный (1860–1862 гг.) и активный (1864–1868 гг.), т.е. завоевание [20, с. 307].

Наиболее же взвешенный и адекватный подход к историческим реалиям применяют В.М. Плоских, В.А. Воропаева, Д.Д. Джунушалиев. Такой вывод наглядно можно продемонстрировать рядом высказываний: “в течение 12 лет – с 1855–1867 гг. – кыргызские племена Северного Кыргызстана, озабоченные внутренними проблемами, под давлением внешних обстоятельств принимают российское подданство” [21, с. 43]; “некоторые мананы проявили нерешительность, непоследовательность в отношениях с Россией” [22, с. 38]; “российские власти прилагали все усилия для мирного вовлечения кыргызов в состав Российского государства” [22, с. 39]; “в большинстве своем повстанцы (1875–1876 гг. – В.Я.) отнеслись к факту прихода русских войск сдержанно, не вступая с ними в столкновения. Зато правящая придворная элита и мусульманское духовенство организовывали вооруженное сопротивление продвижению русских военных отрядов” [23, с. 66].

Помимо усиления “завоевательного” акцента в политике России по отношению к Средней Азии в XIX в. в постсоветской историографии государств Центральной Азии стали соответственно преувеличиваться успехи местных войск при столкновениях с русскими отрядами, а

также количество русских войск, действующих в Туркестане.

Т.Н. Омурбеков и Т.К. Чоротегин полагают, что в 1860 г. при Узун-Агаче Колпаковский прибыл с “большими силами” [24, с. 95]. Для сравнения: у Колпаковского было 799 человек [25, с. 68], а у Канаат-ша и Алымбека – 15–18 тыс. человек [26, л. 183]. Д.С. Бактыгулов считает, что в 1863 г., “громя отдельные отряды русских войск, Уметалы напал на поручика Зубарева” [27, с. 42]. На самом деле никаких отдельных отрядов русских войск в Нарынском крае, кроме отряда Проценко, не было, а на небольшой отряд Зубарева (30 человек) совершили нападение 2–3 тыс. саяков и сарыбагышей, причем русские отбили за два дня 18 атак, пока не подошла помощь [28, с. 505]. Коллектив авторов учебника “Краткая история Кыргызстана” утверждает, что Алымкул “нанес сильный удар по царским войскам под Чимкентом” [29, с. 118]. Сложно сказать, что имеют в виду авторы, так как в это время было два столкновения кокандцев с русскими войсками в районе Чимкента: в первом случае 14–15 июля 1864 г. 12-тысячная армия Алымкула окружила отряд штабс-капитана Мейера (405 чел.) и два дня шел бой [30, с. 288], закончившийся безрезультатно для кокандцев, а во второй раз – 22 июля 1864 г. Черняев (1300 чел.) разгромил Алымкула (15–18 тыс. чел.) [31, с. 82]. Кстати, узбекский историк Х.З. Зияев считает, что у Мейера погибло 405 человек, т.е. весь отряд(!) [32, с. 28]. В действительности же потери русских составили 13 убитых и 67 раненых [44, с. 224].

Продолжая “героическую сагу” про Алымкула, авторы полагают, что он в 1865 г. под Ташкентом возглавил атаку “малочисленных кокандских воинов и заставил отступить сильного врага” [29, с. 118]. На самом деле 9 мая 1865 г. произошло сражение, в котором участвовало 7 тыс. кокандцев при 40 орудиях и 700 русских при 4 орудиях [34, с. 152]; в ходе скоротечного боя кокандцы были разбиты, поэтому если для авторов 10-кратное превосходство кокандцев означает “малочисленные”, то комментарии излишни.

Д.С. Бактыгулов считает, что в сражении у Янги-арыка в 1876 г. “под давлением превосходящих сил и артиллерии русских войск кыргызы отступили” [29, с. 190], в реальности у Абдуллыбека было около 1500 тыс. человек [35, л. 30–31], а у русских в штурме сильнейшей позиции участвовали 125 человек без всякой артиллерии [36, л. 20–22]. Подобные фантазии возникли и у У.Ч. Чотонова и Д.А. Абдрахманова, которые уверены, что в урочище Гульча “в первой половине

июля 1876 г. 2000 кыргызских воинов оказали упорное сопротивление русским войскам” [37, с. 30]. На самом деле, когда повстанцы узнали, что их обходят с разных сторон, они оставили эту сильную позицию и бежали большей частью в Каратегин, а частью – в Кашгар и Шугнан [38, с. 135–140]. Оригинальнее всех поступил Д.Б. Сапаралиев, который не мудрствуя лукаво просто придумал поражение “3 тыс. отборных войск генерал-губернатора Перовского у Ак-Мечети 16 апреля 1852 г.” [39, с. 133]. Единственно, что можно сказать по этому поводу, так это посоветовать: необходимо указывать правдоподобные цифры о количестве русских войск, так как представить, что 3 тыс. русских войск могли потерпеть поражение в Туркестане практически невозможно.

Помимо фантазий по военным вопросам современная центральноазиатская историография за последние 20 лет приобрела еще и другую характерную особенность: расписывать кошмары и ужасы, которые якобы творили русские войска, при этом “исследователей” абсолютно не интересует тот факт, что никаких подтверждений этим данным в источниках не существует.

Вот, например, как представляются некоторыми историками события 1875–1876 гг. на юге Кыргызстана: “жестокость русских войск во главе с М.Д. Скобелевым при подавлении движения алайских кыргызов не знала границ. Царские каратели не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков” [27, с. 190]; “во время алайского похода захватчики никого не щадили: дети, женщины, старики – все подверглись жестокому наказанию” [40, с. 252]; о принятии российского подданства Курманджан-даткой утверждается, что “в противном случае ее народ был бы просто истреблен царскими войсками” [29, с. 120]; “карательная экспедиция во главе с генерал-майором М.Д. Скобелевым жестоко подавила восстание кыргызов” [37, с. 27]; “русские войска жестоко расправлялись с восставшими: жертвами кровавой бойни стал простой народ, женщины и дети. Люди гибли, но отказывались подчиняться” [29, с. 119].

Выводы

1. Историография присоединения Средней Азии и Казахстана к России прошла значительный путь развития в XX в., при этом искажения исторической действительности, допущенные в советский период, в значительной мере до сих пор не исправлены, а в некоторых аспектах (способы и методы присоединения, отношение к русским войскам) приобрели еще более неадекватный характер.

2. После 1991 г. в странах Центральной Азии в исторической науке во многом возобладала тенденция к очернительству российской внешней и внутренней политики, а также действий русских войск в Туркестане в XIX в.

3. Как правило, подтверждения “неокритических” концепций по отношению к России в документах и материалах отсутствуют, что, конечно, не способствует объективному и беспристрастному изучению одного из самых сложных и важных периодов в истории взаимоотношений народов России и Центральной Азии.

Литература

1. *Галузо Е.Г.* Туркестан – колония. – Ташкент, 1929.
2. *Кушева Е.Н.* Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века // Исторический сборник. Т. 3. – Л., 1934.
3. *Рыскулов Т.Р.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. – Алматы, 1997.
4. *Бактыгулов Д.С.* Историография дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1988.
5. *Джамгерчинов Б.Д.* Киргизы в эпоху Ормонхана // Кирг. филиал АН СССР. Труды ин-та языка, лит-ры и истории. – Фрунзе, 1944. Вып. 1.
6. *Якунин А.* О применении понятия “наименьшее зло” в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. – 1951. – № 11.
7. *Рожкова М.К.* Из истории торговли России со Средней Азией в 60-х годах XIX в. // Исторические записки. – 1960. – Т. 67.
8. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977.
9. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. – Фрунзе, 1986. Т. 2.
10. *Мадуанов С.* Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII – начале XX вв. (политические и социально-экономические аспекты). – Алматы, 1995.
11. *Махаева А.Ш.* Из истории строительства военных укреплений царской России в Семиречье // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути // Вестник КНУ: Серия 1. Гуманитарные науки. Вып. IV: История. Регионоведение. Этнография. Религоведение. – Бишкек, 2004.
12. *Садвокасова З.Т.* Ислам как объект духовной экспансии царизма в Казахстане // Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути // Вестник КНУ: Серия 1. Гуманитарные науки. Вып. IV: История. Регионоведение. Этнография. Религоведение. – Бишкек, 2004.
13. *Алимова Д.А., Лукин Б.В.* Работы историографов Республики Узбекистан // Отечественная история. – 1997. – № 2.
14. *Джамалова М.К.* Завоевание Северного Таджикистана царской Россией: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Душанбе, 1990.
15. *Аннанпесов М.А.* Присоединение Туркменистана к России: правда истории // Вопросы истории. – 1989. – № 11.
16. *Боотаева Б.Л.* Военно-дипломатический аспект международных отношений кыргызов в середине XIX в. // Сб. Сан-Таш – 140: Материалы международной научной конференции, посв. первой записи эпоса “Манас” Ч. Валихановым. – Бишкек, 1996.
17. *Алдабергенов К.М.* Журнал “Отечественные записки” о политике царской России в Казахстане (1818–1884 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1992.
18. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 1993.
19. *Турдалиева Ч.Д.* История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч. Валиханова. – Бишкек, 2000.
20. *Кененсариев Т.* Кыргызстандын орусияга каратылышы: тарыхты уйронуугулор учун. – Бишкек, 1997.
21. *Плоских В.М.* С отрогов Небесных Гор до Северной Пальмиры. – Бишкек, 2003.
22. *Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В.* Из истории кыргызско-русских взаимоотношений (XVIII–XX вв.). – Бишкек, 2001.
23. Горная царица Курманджан и ее время / Ред. А. Какеев, В. Плоских. – Бишкек, 2002.
24. *Омурбеков Т.И., Чоротегин Т.К.* История Кыргызстана (XIX – 1917 г.). – Бишкек, 2003.
25. *Недзвецкий В.Е.* Узун-Агачское дело. – Верный, 1910.
26. Донесение начальника Алатавского округа Г.А. Колпаковскому // ЦГА РУз. Ф. 105-с. Оп. 1. Д. 24.
27. *Мырзакматова А.С., Осмонов О.Дж., Молдокасымов К.С.* Краткая история Кыргызстана. – Бишкек, 2001.
28. *Аристов Н.А.* Усуни и киргизы, или каракиргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек, 2001.
29. *Бактыгулов Д.С., Момбекова Ж.К.* История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. – Бишкек, 2001.
30. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии: В 3 т. – СПб, 1906. Т. 1.

Р.Г. Нурмаметов. “Неолитическая революция” на территории Кыргызстана...

31. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. – СПб, 1902.
32. *Зияев Х.З.* К истории завоевания узбекских ханств царизмом // *Общественные науки в Узбекистане.* – 1990. – № 1.
33. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – СПб., 1890.
34. Извлечения из донесения генерала Черняева от 11 мая 1805 г. // *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб, 1868.
35. Телеграмма из Ходжента от 3 мая 1876 г. М.Д. Скобелева в Санкт-Петербург // *РГВИА.* Ф. ВУА. Д. 6884.
36. Рапорт Кауфмана Военному министру №47309 от 11 июня 1876 г.: (Донесение о поражении 25 апреля 1876 г. кара-киргиз в ущелье Янги-Арык) // *РГВИА.* Ф. ВУА. Д. 6884.
37. *Чотонов У.Ч., Абдрахманов Д.А.* История Кыргызстана: Учебно-методическое пособие. – Бишкек, 2004.
38. Рапорт М.Д. Скобелева Кауфману от 23 октября 1876 г. № 4022: “Донесение об Алайском походе генерал-майора Скобелева” // *РГВИА.* Ф. ВУА. Д. 6884.
39. *Сапаралиев Д.Б.* Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до сер. XIX вв. – Бишкек, 1999.
40. *Асанканов А.А., Осмонов О.Д.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). – Бишкек, 2002.